

В. Бахревский

Пряха

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2011

Бахревский В. А.
Б306 Пряха. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011. — 24 с. : ил.

Эта книга — добрым девицам урок. Пришла беда — не унывай, молись, трудись и надейся на Бога. Наша история о том, как слепая девочка, подрастая, сделала богатой две семьи. Она и сама могла бы стать принцессой, но выбрала в мужа друга детства, простого солдата. Почему? Пусть наш маленький читатель скорее откроет книгу и ответит на этот вопрос сам.

©Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2011
©Бахревский В. А., текст, 2011
©Голомазова Е. Д., иллюстрации, 2011

ISBN 978-5-88017-150-7

девочка Акулина и соседский мальчик Ваня пошли на луг. Луг у них был синий да голубой от ласковых незабудок, от весёлых колокольчиков.

Вдруг тучка. Сверкнуло, грянул гром. И ударила небесная стрела в Акулину. Ваня кинулся спасать соседку, а она живёхонька, да вот в глазках свет померк.

Детишек в семье Акулины — как грибов, а тут ещё слепенькая. Лишний рот, ненужный человек. Господи! И среди родных сиротами растут, но жизнь и счастье у Бога.

Взяла к себе Акулину бездетная старуха Маланья. В деревне Маланья слыла за лучшую пряжу.

У слепых людей руки умные. Слепой коснётся пальцами лица и будет знать о человеке куда больше, чем зрячий. Руки слепых распознают доброе и злое.

Коли руки хорошие, что же им без дела быть? У Маланьи никаких хитростей в прядении. Показала Акулинке как да что. Та по неумению да по робости толсто спряла, а Маланья похвалила:

— На варежки годится.

Акулина рада-радёшенька: вот и от неё польза. Пустит веретено, а у каждого веретена своя песенка. Послушает, послушает Акулина и сама подпоёт. Голос у неё тихохонький, но такое диво в нём умещалось — сверчки переставали стрекотать. Слушали.

Песенки пряжа сначала пела Маланьины:

Выйду, млада, в сенички,
Возьму, млада, ведёрки...

А потом свои научилась складывать:

Солнце — деткам. Золотинки —
Для коровки, для скотинки.
Дайтесь, светы-лучики,
Акулине в рученьки.

Не думавши пела.

Ушла как-то Маланья в полдень корову доить. Акулина же взяла кудель, села возле окошка. Солнце летнее осыпает землю лучами щедрее некуда. И чует Акулинка: лучик в её пальцах вьётся. Она

и вплети его в нить. И уж так ей весело работалось, о самой себе забыла.

Тут Маланья на порог и, не то чтоб ведро с молоком на лавку поставить, — не дышит.

— Бабушка, что с тобой? — перепугалась Акулинка.

Маланья дух-то и перевела.

— Я-то ничего. Детёночек, откуда богатство взялось?

— Бабушка, не пойму тебя! — отложила девочка работу, взяла у Маланьи ведро с молоком, поставила. — Бабушка, что же ты молчишь?

— Язык к небу присох! Ведь изба-то наша золотом горит. Пряжа у тебя, чай, вся золотая.

— А-а! — сказала Акулина. — Это я солнечный лучик в пряжу вплела. Знать, получилось.

— Получилось, милёшечка!

Связала Маланья из той пряжи шаль. Поехала в город продавать. Летом на шали спрос невелик, но как Маланья достала свой товар, развернула — полымя над базаром. Сбежались купцы, друг друга ценой перешибают. Ну а тут явился поставщик царского двора. Три горсти червонцев за шаль отсыпал. Маланья денежки в котомку и с глаз долой. Когда купцы хватились, старухи след простыл. Принесла Маланья деньги. Спрашивает:

— Чего тебе угодно, Акулинушка? Сарафан ли шёлковый, сапожки ли жемчугом расшитые, шубку мягонькую?

Акулина смеётся:

— Босиком ходить способнее. Босиком мне травки, как родные. А на зиму, конечно, и шубы нам пора завести, и валенки новые. Но отнеси, бабушка, половину денег моей матери. У неё ребятишек полторы дюжины. Уж и в баньке спят, и в хлеву со скотиной. А главное, поди к барину, выкупи себя, меня, избу да огород из крепости.

Поднялась семья слепенькой девочки, и Маланья с Акулиной зажили сытно и вольно. Да у всех ведь завидки! В окно по ночам заглядывали, соли приходили занять, мучицы. Высматривали: откуда, что? А ничего вроде и нету!

Прошло несколько лет. Маланья уже совсем по-старела, Акулина же обернулась девицей-красавицей. Иные теперь песенки пела:

Ты погладь меня, милое солнышко,
Пусть забудет о горьком головушка.
Приласкай мои ноженьки, травушка,
Нашуми моё счастье, дубравушка.
И напой мне судьбинушку, речка,
Жду я гостя к себе на крылечко.

Когда девушка такое поёт, она с ангелами душою. Забылась Акулина, а веретено пущено, нить вьётся, ну и прихватила пряжа пальчиками солнечный луч. Маланья-то опять дома не было, в село ходила, в церковь: о слепенькой своей помолиться Богу. Уж такая красавица, работница, уж такая душа — неужто в девках век куковать?

Вернулась домой, а золотая пряжа клубками. На дворе вечер, а в доме — немеркнувший день.

Маланья — старуха умная. Вспомнила: у царей наследник растёт, парнишка лет небось десяти.

Связала Маланья для наследника кафтанишко, шапчонку, пояс, варежки. Ещё и на плат осталось.

Упрятала всю красоту в мешок и отправилась в город. Время выбрала самое подходящее: у царского наследника именины, он с царём-батюшкой подарки принимал.

Стража старуху не хотела пустить, но она поясок показала:

— Подарочек у меня.

Тут все ворота, все двери перед Маланьей открылись. Поднесла наследнику пояс: так все и ахнули.

— Из чего связано? — не понял царь.

— Из обычной овечьей шерсти, — отвечала старушка, — да в шерсть солнечный лучик вплетён.

— Не сама ли ты умелица такая?

— Никак нет, батюшка-царь. Сей талант — Божий Промысл. С малых лет взрастила я девочку-приёмша. Одно Господь у неё взял: глазки смотрят да не видят — другое дал.

Достала Маланья из мешка кафтанчик, шапчонку, варежки.

— Я стара, — говорит, — в поле работать сил нет. Так что, государь, купи сыну своему обновку, а нам с Акулинушкой деньги твои на пропитание пойдут.

Облачился наследник в новое — Боже ты мой! — как солнце.

— И мне такое же! Да поскорей! — позавидовал царь сыну.

Тотчас велел подать карету и покатыл с Маланьей в деревеньку.

А дело-то на ночь глядя. Но царю невтерпёж, с огнями примчал. Входит в горницу, а в горнице будто месяц в гостях. Сидит девица красоты не сказанной возле окошка, пряжу прядёт. А в пряже лунный лучик, пряжа на полу, в клубки ещё не смотанная.

— Такая пряжа — царице моей на царский наряд!

Внесли слуги сундук с золотом, поставили перед Акулиною.

— Это за труды тебе, мастерица! — сказал царь. — Не желаешь ли во дворце моём жить?

— Нам с бабушкой и здесь хорошо, — удивилась Акулина.

Царь головой покачал.

— Милая, тебе замуж пора! Нарожай-ка ты мне дюжину таких прях, как сама.

— Кто ж слепую замуж возьмёт? — вздохнула Акулина.

— С такими руками! — засмеялся царь. — Да тебе от принцев отбою не будет. Ну, думай, да не задумывайся!

Забрал серебряную пряжу, укатил царствовать.

Царь за порог, а на порог батюшка родной, матушка, братья, сёстры. Кланяются:

— У нас теперича три избы, просторно. Иди к нам жить, чай родненькая.

— Мне бабушка родня, — отвечала Акулина.

— Нашла родню! — зашумели братья. — Мы твою Маланью засудим: ты наша.

Рассердилась Акулина:

— Хотела сундук пополам делить с вами. А за такие слова — ничего бы не дала. Да уж ладно, берите по горсти и живите себе, как жили.

Легли спать, а на заре стучат. Отворила Маланья двери — барин.

— Сию же минуту забираю девку Акульку к себе в барский дом. Снаряжай, старуха, слепенькую да поскорее.

А девка Акулька выходит к барину: в руках бумага с гербами. Да и говорит:

— Ступай-ка ты прочь с нашего владения, грубиян. Вот скажу государю, уж он тебя вздует по первое число.

Барин назад пятками, а сам глядит на Акульку: ай да дева! Такой бы во дворце сиять!

Укатил, слова не сказавши. А в полдень — бабушка с девицей обедать собрались, квасок у них был приготовлен ради жаркой поры — глядь, тройка. Сын барина, офицер. Шпорами звяк! Обращается к Маланье почтительнейше:

— Вы изволите быть приёмной матерью девицы Акулины?

— Так оно и есть, — согласилась старушка. — Бабушкой она меня зовёт.

— Почтеннейшая, выслушайте меня. Я офицер, дворянин в тридесятом колене, прошу руки вашей приёмной дочери.

— Батюшки мои! — удивилась Маланья. — Ты уж только сам у моей Акулинушки спрашивай согласия.

— Извольте, почтеннейшая, описать мою наружность невесте.

Акулина тут же стоит, слушает.

— Ну, какой он, бабушка?

— Ничего не скажешь, пригожий. Лицом бел, усы колечками. Брови чёрные, губы алые, глаза тарасит по-кошачьи.

— Как это — по-кошачьи?! — рассердился барчук.

Детская литература

ВЛАДИСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ БАХРЕВСКИЙ

ПРЯХА

Художник Е. Голомазова

Заведующая редакцией

Т. Тарасова

Редактор

О. Темнова

Технический редактор

З. Кондрашова

Корректоры

О. Назаренко, Е. Пятаева

Верстка

Ю. Рахманина

Подписано в печать 09.08.2011. Формат 84×108 1/16.
Бумага мелованная. Объем 1,5 п. л. Печать офсетная.

Тираж 10 000 экз. Заказ № .

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18.

Оптовый отдел реализации:

(499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин: (499) 245-30-68

E-mail: books@rop.ru